

*А. В. Шунков*

**ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО  
В ПОЛЬСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ  
(Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ «ЗАПИСКИ ИЗ МЁРТВОГО ДОМА»  
И ШИМОН ТОКАРЖЕВСКИЙ «СЕМЬ ЛЕТ КАТОРГИ»)**

В статье проводится сопоставительный анализ романа Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» и повести польского писателя Ш. Токаржевского «Семь лет каторги». В процессе исследования делается вывод о принципиальном художественном различии двух внешне схожих текстов.

**Ключевые слова:** поэтика художественного произведения, творчество Ф. М. Достоевского.

*A. V. Shunkov*

**LITERARY TRADITION OF F. M. DOSTOYEVSKY IN POLISH FICTION  
(F. M. DOSTOEVSKY «HOUSE OF THE DEAD» AND SIMON TOKARZEWSKI  
«SEVEN YEARS OF HARD LABOR»)**

The article is a comparative analysis of F. M. Dostoevsky's novel «House of the Dead» and the story of Polish writer S. Tokarzewski «Seven Years of Hard Labor». The study concludes that there is a fundamental artistic difference between the two apparently similar texts.

**Keywords:** the poetics of artwork, creativity of F. M. Dostoevsky.

В истории мировой словесности можно привести не один десяток примеров существования литературных текстов, сюжеты которых независимо друг от друга схожи. В польско-русских литературных связях XIX века такими «зеркальными» текстами стали «Записки из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского и «Семь лет каторги» Ш. Токаржевского.

Имя Ф. М. Достоевского (1821–1881, на каторге с января 1850 по 1854 год) не нуждается в комментарии. Интерес к творчеству русского писателя был всегда велик и в Польше как в прошлом (XIX, XX века), так и в начале XXI столетия. Стоит отметить, что оценка литературного наследия Ф. М. До-

стоевского в Польше не всегда была однозначна. Наряду с традиционными работами [1], отмечающими глубокий философско-религиозный взгляд на природу характера человека, имеются исследования, в которых учеными высказываются спорные идеи как в отношении самого автора, так и его творчества. Однако при неоднозначной оценке творчества Ф. М. Достоевского в польском литературоведении [2] имя писателя продолжает привлекать внимание как исследователей, так и простых читателей.

Имя польского писателя Шимона Токаржевского (1821–189(9?)<sup>19</sup>, в Омском остроге находился с 31 декабря 1849 года) известно только узкому кругу читателей. Его имя упо-

<sup>19</sup> Сегодня информационные ресурсы предоставляют читателю разные даты жизни Ш. Токаржевского: 1821–1890; 1821–1899.

минает Ф. М. Достоевский в главах VII «Претензия» и VIII «Товарищи» 2-й части «Записок из Мёртвого дома» [3]. Интернет-ресурсы предоставляют очень мало материалов о Токаржевском. В Польше сочинения Токаржевского были опубликованы единственный раз только в начале XX века [4], в России в полном объеме [5] он не издавался вообще. Первое печатное издание его сочинений в России вышло сравнительно недавно – в 2007 году. Публикация восьми повестей [6], их перевод с польского и подготовка комментария к ним выполнены сибирскими исследователями Мэри Кушниковой и Вячеславом Тогулевым (г. Кемерово). Ими же был разработан и электронный ресурс данного печатного издания [7]. Вышедший том сочинений Шимона Токаржевского не остался незамеченным критикой, давшей положительную оценку проделанной работе сибирских издателей [8].

Выход в свет произведений Токаржевского позволяет исключить умалчивание о литературном наследии польского писателя-каторжанина, оценить масштаб его литературного дарования и определить место в литературном процессе [9].

Однако некоторые заявления ряда исследователей, приведенные в Предисловии к российскому изданию сочинений Ш. Токаржевского 2007 года, не могут не поразить своей сенсационностью. Так, в ряде публикаций польских исследователей (Артура Новачевского [10], Развана Унгареану [11], Иво Циприана Погоновского [12] и др.) высказывается утверждение о вторичности «Записок из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского по отношению к воспоминаниям Ш. Токаржевского («Семь лет каторги»). Так, например, приводится точка зрения Иво Циприана Погоновского, что Достоевский попросту заимствовал материал Токаржевского и на его основе создал свой роман. И таким образом, польскими исследователями русскому писа-

телю инкриминируется обвинение в плагиате, в шовинизме, имперских взглядах.

«На вопрос, возможно ли, чтобы Достоевский с помощью плагиата воспоминаний Токаржевского был объявлен великим писателем, могла бы, конечно, ответить докторская диссертация на основе польских и российских архивов <...> Стиль и организация воспоминаний Токаржевского весьма сходны с “Записками из Мёртвого дома” и, очевидно, были они написаны раньше, чем книга Достоевского, описывающая те самые обстоятельства, которые Токаржевский в содержании своих воспоминаний повторяет по нескольку раз в тексте, написанном в 1857 году. Это вопрос, который требует особого изучения» [6, с. 13].

Далее в продолжение своих рассуждений по этому вопросу Иво Циприан Погоновский дает следующие объяснения поступка, совершенного Достоевским: в силу того, что Токаржевский был дважды осуждён на каторгу, то его авторские права вполне можно было и проигнорировать. Власть не стала бы вмешиваться в это дело еще и по другой причине, а именно: в своем особом отношении к польскому вопросу. Таким образом, делается вывод, что Достоевский удачно сыграл на националистических и шовинистических настроениях в обществе 1850–1860-х годов и воспользовался этой ситуацией в своих корыстных целях. Сразу отметим, что подобный подход неприемлем и опасен, поскольку ведет не к установлению истины, а к появлению в огромном количестве конъюнктурных заявлений, преследующих единственную цель – сделать себе имя любыми способами, в том числе и не совсем благородными.

По этому поводу возникает вполне логичный вопрос: почему современные польские исследователи проигнорировали и оставили без комментария статью «Кто был автором главы о Достоевском в книге

Ш. Токаржевского «Семь лет каторги», опубликованной еще в 1975 году З. Бобович-Потоцкой [13, с. 91–94] и приведенной в комментариях III тома [14, с. 205–482, 531–574, 543] собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 15 томах?

Наша же задача состоит не в том, чтобы установить, действительно ли один писатель воспользовался готовым материалом другого при написании своего романа. Здесь вполне ясно, что перед нами два абсолютно разных текста, но осмысливающие и отображающие одно событие. Очевидность данного факта обнаруживается при прочтении обоих произведений. Задача заключается в другом: постараться все-таки увидеть разность взглядов авторов на один мир, разность художественных приемов при создании картины этого мира в своих произведениях.

В этом случае не совсем верным и оправданным будет подход, который используют современные российские издатели Ш. Токаржевского (М. Кушникова и В. Тогулев), проводя текстовые параллели и устанавливая якобы факты идентичности текстов. В предисловии к «Сибирскому лихолетью» на значительном текстовом пространстве [6, с. 18–74] издатели приводят примеры содержательного совпадения текстов Достоевского и Токаржевского. «Приведенные выше параллели между текстами как будто доказывают, что Токаржевский был знаком с «Записками» Достоевского. Однако этот вывод не всем исследователям казался очевидным» [6, с. 74].

Хотя чуть позже приводится иная версия представляющейся идентичности абсолютно разных текстов. «Однако детальное сопоставление текстов, приведенное выше, доказывает, что Токаржевский не заимствует, а, приводя в воспоминаниях схожие коллизии, как бы дополняет и исправляет Достоевского» [6, с. 78].

Здесь возникает вполне резонный вопрос: а что мог видеть любой каторжанин в своей ситуации, кроме того, что его ежедневно окружало на протяжении всего срока каторги? В том, что и Достоевский, и Токаржевский обращают свое внимание на одни и те же объекты, людей, события, нет ничего предосудительного. Иное дело, что каждый по-своему расставляет акценты на увиденном и пережитых событиях, герои этих событий размещены в разных художественных плоскостях. Механически же вырывать фрагмент текста из целого, сопоставлять, сравнивать его с фрагментом из другого текста, а затем на этой основе делать заключение о выявленном совпадении разных произведений не совсем правильно. Данный метод (можно назвать его «методом механической текстологии») вступает в противоречие как с законами анализа и интерпретации художественного произведения, так и с текстологией как наукой в целом [15]. Поэтому сколь яркими и красочными ни казались бы примеры, приведенные в Предисловии к изданию 2007 года, мы не можем признать их фактами проведенного текстологического анализа двух произведений. Для исследователя, занимающегося изучением художественного текста, более важным и доказуемым фактом влияния одного текста на другой являются примеры цитирования в различной степени, реминисценций, аллюзий одного текста в другом. Таких случаев в «Записках из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского не возникает, и быть их не может в силу того, что авторы видят разные задачи в момент написания своих текстов.

Художественный мир «Записок из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского на сегодняшний исследован детально. Общим местом во всех наблюдениях неизменно являются выводы о том, что в основе мировоззрения писателя, начиная уже с первого его романа

«Бедные люди» (1848), лежит христианское миропонимание. Сибирская каторга укоренила в Достоевском идею о спасительном смысле христианства и о необходимости поиска духовного пути «воскрешения из мёртвых» через прочтение и постижение Евангелия. Поэтому «Записки из Мёртвого дома» – это текст, в основу которого положена, в первую очередь, евангельская традиция (притчи о блудном сыне, о воскрешении Лазаря), присутствие которой нельзя не заметить.

В то же время «Записки из Мёртвого дома» органично включены в литературную традицию XIX века как продолжение осмысления темы народа, его роли, противоречивости и раздвоенности души русского мужика, о чем в свое время писали как предшественники, так и современники Ф. М. Достоевского: Н. В. Гоголь, Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, Н. Успенский, М. Е. Салтыков-Щедрин. Именно эту связь «Записок из Мёртвого дома» с традицией русской литературы подробно проанализировал еще в начале 80-х годов XX века известный литературовед И. З. Серман [16], констатируя, что «мёртвый дом» все-таки заселен живыми людьми «с живыми душами и страстями», и рассказчик-мемуарист (Александр Петрович Горянчиков) стремится постичь этот характер. «“Везде есть люди дурные, а между дурными и хорошие, – спешил я подумать себе в утешение, – кто знает? Эти люди, может быть, вовсе не до такой степени хуже тех, *остальных*, которые *остались* там, за острогом”. Я думал это и сам качал головою на свою мысль, а между тем – боже мой! – если б я только знал тогда, до какой степени и эта мысль была правдой!» [14, с. 267]. Приведенный пример из размышлений героя «Записок...» созвучен с евангельским миропониманием: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5).

Мемуарист Токаржевский такую цель для себя не ставит. Для героя «Семи лет каторги»

мир, в котором он оказался волею судьбы, на протяжении всего повествования – это в первую очередь «адская обитель», заполненная разбойниками, ворами, злодеями, «сборищем сброда», лишившимися своего человеческого облика. И это мировосприятие остается неизменным на протяжении всего повествования. «Ни один из тех 2555 дней, прожитых в омской Геенне, нельзя было назвать “добрым днем”!» [6, с. 178].

Можно сказать, что на протяжении всего времени пребывания на каторге между героем воспоминаний Токаржевского и окружающим его миром существует постоянно граница, которая не преодолевается, да и само желание преодоления этого барьера не возникает. Герой и окружающий его мир по отношению друг другу всегда настроены враждебно. И стоит признать, что подобное отношение героя к чужому для него миру объективно оправдано, поскольку перед нами герой, который стал жертвой, пострадавшей за свои убеждения. В ряде сюжетных эпизодов даже возникает ощущение некоей особой исключительности и возвышенности героя, его мессианского служения и жертвенности.

«Мы встали перед распятием.

– Поклянись, парень! – взволнованно сказал декан. – Поклянись, что пойдешь той же дорогой, как те каторжане, имена коих я огласил с амвона.

Я положил правую руку на ноги Христа и сказал:

- Ранами распятого Спасителя клянись!» – глава «Присяга» [6, с. 103].

«...Чтобы освежить спекшиеся губы, я сорвал щепотку травы и начал ее жевать. Противный вкус горечи, казалось, пророчествовал, что столь же горькой будет вся моя жизнь» – глава «Батоги» [6, с. 133].

«Всего нас было двенадцать – ровно по числу апостолов. Кроме нас – еще всякий сброд, так называемые “бандиты” или “раз-

бойники”, числом около семидесяти» – глава «Продолжение пути» [6, с. 141].

«Итак, привели нас к воротам той адской обители, что поглотила семь лет моей жизни... Где мне приходилось переносить страдания сверх человеческих сил, так что вполне мог вскричать вслед за поэтом: “Как Данте я прошел сквозь ад еще при жизни”» – глава «Прибытие в Омск» [6, с. 176].

Единственно, что вызывает у героя «Семи лет каторги» лирические переживания – это алтае-сибирский пейзаж, рождающий у автора записок самые восторженные эмоции.

«Я видел часть наших Карпат, но такого грозно-прекрасного, такого величественного зрелища я не представлял и нигде не встречал. В этих горах есть нечто, что человека влечет и просто-таки привораживает. Эти высоты, обвалы, пирамиды, высокие, нагие, разных форм и диковинного вида, то наклонная колонна, так что кажется, вот-вот упадет и своими обломками покроет все, что ее окружает, далее нечто вроде сахарной головы с остроконечным верхом, а еще нечто вроде таза, из которого можно бы накормить досыта тысячи людей ...Глядя на горы, невольно возникает мысль: всемогуща та рука, что взгромодила все это в подобном безлюдном месте и, тем не менее, в такой удивительной гармонии» [6, с. 151].

Приведенный пример пейзажной зарисовки, пожалуй, один из немногих, который демонстрирует благорасположение мемуариста к окружающему его миру, во всех остальных эпизодах обычая, нравы, традиции сибиряков (мы не говорим о законах каторжан) не вызывают столь радостных эмоций, которых и быть не могло в силу чуждости этого мира.

Позиция героя «Записок из Мёртвого дома» иная. «Вообще это было время моего первого столкновения с народом. Я сам вдруг сделался таким же простонародьем, таким же каторжным, как и они. Их при-

вычки, понятия, мнения, обыкновения стали как будто тоже моими, по крайней мере по форме, по закону, хотя я и не разделял их в сущности» [14, с. 277].

Не понимает, а потому и не принимает Токаревич истинно русский обычай подаяния милостыни любому страждущему. В главе «Болезнь» такой случай описан.

«В российской глубинке и в Сибири к бездомным и каторжникам жители питают большое сочувствие и одаривают их, что те принимают охотно.

– *Несчастный!* – так российский люд зовет каторжан и, всунув им в руки пшеничную булку или копейку, а то и полкопейки, говорит:

– Примите мое подаяние и да хранит вас Христос, несчастные вы!

Мне такое напутствие показалось истинно православным...

Тем не менее, когда ко мне кто-то подошел с подаянием, я крикнул еще издали:

– Спасибо, никакой я не “*несчастный*”, а *политический преступник*.

Я повторял это неоднократно все семь лет и мне кажется, что, в конце концов, жители Омска научились различать бродяг и разбойников от арестантов совсем другого рода» [6, с. 209].

Эпизод с подаянием милостыни включен и в сюжет «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. «На, “*несчастный*”, возьми Христа ради копеечку! – кричала она (то есть девочка. – *А. Ш.*), забегая вперед меня и суя мне в руки монетку. Я взял ее копеечку, и девочка возвратилась к матери совершенно довольная. Эту копеечку я долго берег у себя» [14, с. 222].

Приведенные примеры реакции героев на обращенный в их сторону жест милосердия и сострадания простого человека позволяют увидеть как разную реакцию (в первом случае отказ от проявляемого сострадания,

во втором – принятие) героев, находящихся в одной и той же ситуации, так и разное понимание героями своего места в этом мире.

Для художественного мира Достоевского противопоставление героя миру невозможно представить. Герой «Записок из Мёртвого дома» в первый месяц пребывания на каторге испытывает страх и ужас («покамест теперь кругом меня все было враждебно и – страшно»), но затем стремится найти в себе силы жить в этом мире («я сам желал уж поскорее работы, чтоб только поскорее узнать и изведать все мое бедствие разом, чтоб начать жить, как все они, чтоб войти со всеми поскорее в одну колею») [14, с. 267].

«Недаром же весь народ во всей России называет преступление несчастием, а преступников несчастными. Это глубоко знаменательное определение. Оно тем более важно, что сделано бессознательно, инстинктивно» [14, с. 254].

Осмысление совершения преступления как поступка, приводящего человека к отречению и отпадению от мира (как божьего, так и людского), – тема, получившая свое развитие в последующем творчестве Достоевского. «Записки из Мёртвого дома» позволяют увидеть её начало. Автор последовательно на протяжении всего сюжета ведет своего героя по пути духовного его возрождения, начинающегося с таких, на первый взгляд, непримечательных поступков, как радостное принятие милостыни.

Токаржевский же принадлежит другой парадигме духовных и культурных ценностей, поэтому и не может понять символического, а в какой-то степени сакрального значения обращенного в его сторону жеста, указующего путь спасения и приобщения к миру.

Если дальше продолжать сравнивать оба текста, то нельзя не увидеть, насколько отличаются они друг от друга по способу организации повествования. На первый взгляд

(с формальной стороны), оба произведения вписаны в традицию мемуаров, для которой свойственно ведение повествования от первого лица – непосредственного участника описываемых событий или их свидетеля. В этом случае «Семь лет каторги» Ш. Токаржевского абсолютно соответствуют жанровым требованиям. Повествование строится просто, без каких-либо сложных приемов. Позиция рассказчика находится в центре всего повествования, его мнение и суждение по поводу изображаемых событий является определяющим и главенствующим.

Совершенно иначе повествование строится у Достоевского. Оно намного сложнее, и если постараться охарактеризовать его природу, то в основе его лежит диалогичность – особенность, свойственная в целом поэтике Достоевского. Поэтому все попытки вести сравнение текстов так, как это сделано в Предисловии к «Сибирскому лихолетью», не являются корректными и обоснованными. В этом случае, как уже было сказано выше, сравниваются формальные стороны сюжетных эпизодов. Внутренняя форма текста не учитывается и не рассматривается.

Разницу обоих произведений нельзя не заметить и в их композиции. Большинство суждений, в основе которых лежит идея идентичности текстов Достоевского и Токаржевского, основываются опять-таки на формальной стороне. По этому же пути идут и авторы Предисловия к «Сибирскому лихолетью», когда проводят литературные параллели. На первый взгляд, оба автора используют очерковый принцип построения текста. И композиция текста Токаржевского в этом случае, действительно, проста, линейна.

О композиционном своеобразии «Записок из Мёртвого дома» в литературоведении сказано немало. Единственно, что здесь можно дополнить к высказанным ранее наблюдениям, так это то, что текст Достоевского и в этом случае выстраивается так, чтобы пока-

зять путь духовного преобразования героя через искупление своей вины. Две части дают нам возможность в этом убедиться. Первая часть представляет «портретную галерею» каторжан. Кульминацией первой части, бесспорно, является глава X «Праздник Рождества Христова», уже по-иному представляющая образы каторжан, переживающих и ощущающих величие праздника. Интересным моментом здесь является и тот факт, что автор размещает X главу после описания бани каторжан, своеобразного символа ада, в котором оказывается герой-рассказчик. «Когда мы растворили дверь в самую баню, я думал, что мы вошли в ад... Это было пекло. Всё орало и гоготало» [14, с. 317–318].

Сюжетный эпизод посещения бани, конечно, имеет символический характер, чего нет в записках Токаржевского. Данный эпизод несет в себе идею очищения (пока только телесного), но он нужен как этап, подготавливающий очищение души героя. И болезнь героя-рассказчика, наступившая сразу же после праздника Рождества Христова, открывает новые перспективы в судьбе героя. Интересным здесь является композиционный прием, которого нельзя не заметить. Автор последовательно располагает три важных момента в сюжете: молитвенное воззвание каторжанина («Господи Иисусе Христе, помилуй нас!..»), размышление героя в финале первой части («Не навсегда же я здесь, а только ведь на несколько лет!») и упоминание болезни героя в начале второй части. Вторая часть, как известно, посвящена философскому осмыслению темы наказания, подкрепляемому художественными эпизодами. Завершается же роман освобождением героя, в котором прочитывается символ полного духовного возрождения героя, его воскрешения и принятие им мира: «Да с богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!» Таким образом, композиция «Записок из Мёртвого дома» мало того,

что она ничего общего не имеет с «Семью годами каторги» Ш. Токаржевского, она еще является прообразом композиции последующего романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание».

Думаю, все дальнейшие попытки приведения доказательств самостоятельности и независимости друг от друга разных текстов, принадлежащих к разным жанровым формам, излишни, и обвинения Достоевского в заимствовании чужого материала выглядят абсурдными. А если и можно было бы допустить возможность обращения Достоевского к материалам Токаржевского (что представляется маловероятным, поскольку академическое издание Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 30 томах [17, с. 280–281] дает совершенно другую версию), то в «Записках...» представлена их художественная интерпретация, что никак нельзя назвать плагиатом. Ведь ни у кого не возникает желания обвинить Л. Н. Толстого в том, что он, при изображении в «Воине и мире» сцены торжественного приема, данного московским дворянством князю генералу Багратиону, воспользовался записками участника этого события С. П. Жихарева? [18].

И последнее, чем хочется возразить исследователям, намеренно разыгрывающим ситуацию вокруг Достоевского и Токаржевского. Роль творца в истории литературы и художественной культуры определяется не количеством книжных страниц и объемами томов [14, с. 92], а масштабом самой творческой личности. В этом отношении традиция Достоевского определила пути развития не только русской культуры, но и европейской. Подтверждением тому является и «Семь лет каторги» Ш. Токаржевского, и опера «Из мертвого дома» («Z mrtvého domu», 1927–1928) чешского композитора Леоша Яначека, либретто которой написано на основе текста «Записок из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского.

## Литература

1. Адольф Рудницкий. Вокруг Достоевского // Новая Польша. – 2008. – № 11. – Режим доступа: <http://www.novpol.ru/index.php?id=1064>
2. Marek Wedemann. Polonofil czy polakozerca? Fiodor Dostojewski w piśmiennictwie polskim lat 1847–1897. – Poznań, 2010; Скалинская Евангелина. Достоевский глазами поляков. О книге Марека Ведемана «Полонofil или полонифоб? Федор Достоевский в польской словесности. 1847–1897» // Новая Польша. – 2011. – № 5. – Режим доступа: <http://www.novpol.ru/index.php?id=1488>
3. «В сенях в кухне мне встретился Т-вский, из дворян, твердый и великодушный молодой человек, без большого образования и любивший ужасно Б (Иосифа Богуславского – А. Ш. (См. комментарий. Собр. соч.: в 15 т. – Т. 3. – С. 542–543)). Его из всех других различали каторжные и даже отчасти любили. Он был храбр, мужественен и силен, и это как-то высказывалось в каждом жесте его» (см.: Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. – Л.: Наука, 1988. – Т. 3. – С. 446). И далее: «Т-ский был хоть и необразованный человек, но добрый, мужественный, славный молодой человек, одним словом». (Там же. С. 453).
4. Tokarzewski S. Siedem lat Katorgi. – Warszawa, 1907, 1918; Tokarzewski S. Katorznicy. – Warszawa, 1912.
5. Издатели сочинений Токарежского 2007 года упоминают в своем Предисловии к «Сибирскому лихолетью» переводы из «Семи лет каторги» Ш. Токарежского, опубликованные в 1936 году В. Б. Арендтом (С. 94) и упоминают о ранее публиковавшихся в дореволюционных русских журналах фрагментах «Семи лет каторги». Речь идет о журнале «Русская старина» (1910. Т. 141. № 2. С. 367–376; № 3. С. 605–621). – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/reprint-109/index.htm>
6. Токарежский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье / пер. с пол. Мэри Кушниковой; сост. и авт. предисл.: М. Кушникова, В. Тогулев. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007.
7. Токарежский (Токажевский) Ш. Сибирское лихолетье. – Режим доступа: <http://www.tokarzewsky.papod.ru>
8. Марек Карпинский. Сибирь – общее историческое пространство // Новая Польша. – 2009. – № 2. – Режим доступа: <http://www.novpol.ru>
9. Небезынтересным может показаться такой факт: Баранов А. И. в своей диссертации «Ф. Достоевский и польская литература до 1918 г.» имя Ш. Токарежского не упоминает вообще (см.: Баранов А. И. Ф. Достоевский и польская литература до 1918 года: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03 «Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)». – М., 2001).
10. Artur Nowaczewski. Piekło i nadzieja. – Режим доступа: <http://www.wiadomosci.onet.pl/1310552,1292,kioskart.html>
11. Razvan Ungureanu. Russian Imperial Presence in Literature. – Режим доступа: <http://www.ruf.rice.edu/~sarmatia/407/272ungure.html>
12. Iwo Cyprian Pogonowski. Czy Dostojewski wybił się plagiatem pamiętnika Tokarzewskiego? – Режим доступа: [http://www.zaprasza.net/a\\_y.php?mid=623](http://www.zaprasza.net/a_y.php?mid=623) «Na pytanie czy jest możliwe żeby Dostojewski wystartował za pomocą plagiatu pamiętnika Tokarzewskiego? mogłaby odpowiedzieć praca doktorska oparta na polskich i na rosyjskich archiwach <...> Styl i organizacja wspomnień Tokarzewskiego są bardzo podobne do “Zapisków Domu Umarłych” i prawdopodobnie były one napisane wcześniej niż książka Dostojewskiego opisująca te same zdarzenia, których opis Tokarzewski, w treści swoich wspomnień, powtarza kilkakrotnie w tekście napisanym w 1857 roku. Te rzeczy trzeba dokładnie przebadac, i jakiś polski doktorant mogłby to zrobić w pracy doktorskiej».



13. Bobowicz-Potocka Z. Kto był właściwym autorem rozdziału poświęconego Dostojewskiemu w książce Sz. Tokarzewskiego «Siedem lat katoggi» // *Przegląd humanistyczny*. – 1975. – № 8. – S. 91–94.
14. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // *Собр. соч.*: в 15 т. – Л.: Наука, 1988. – Т. 3. – С. 205–482, 531–574 (примечания).
15. Лихачев Д. С. Текстология. – Л.: Наука, 1983.
16. Серман Илья. Тема народности в «Записках из Мертвого дома» // *Dostoevsky Studies*. – 1982. – Vol. 3. – Режим доступа: <http://www.utoronto.ca/tsq/DS/03/101.shtml>
17. В Полном собр. соч. в 30 т. в т. 4. на с. 281 указывается, что Токаржевский заимствовал у Достоевского ряд эпизодов, а записки Токаржевского были изданы уже после смерти Достоевского (см.: Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // *Полное собр. соч.*: в 30 т. – Л.: Изд-во «Наука», 1972. – Т. 4. – С. 280–281).
18. Жихарев С. П. Записки современника с 1805 по 1819 год. – СПб., 1859. – Ч. 1: Дневник студента. – С. 328–329; Жихарев С. П. Записки современника / ред., ст., коммент. Б. М. Эйхенбаума. – М.; Л., 1955. – С. 196–197.